

Если хотите почувствовать

Лит. газета. - 1998. - 11 нояб. - с. 10

веяние истории, читайте Пушкина

Так считает известный иллюстратор поэта
художник Павел Бунин

Корней Чуковский ему сказал: "Запомните, ваши лучшие годы впереди, когда вы будете писать мемуары. Но помните, что вам никто не поверит". В 1962 году Павел Антокольский написал (кстати, в "Литературной газете") о работах "молодого советского художника Павла Бунина": "Мне кажется, "Пушкиниану" П.Бунина стоит издать отдельным альбомом. Вот я и обращаюсь с предложением к "Искусству": посмотрите, заинтересуйтесь, оцените, сделайте полезное дело, издайте бунинскую "Пушкиниану"!"

С тех пор у "молодого советского художника" прошло более

сказать о том, что мне хотелось бы. На все эти темы говорили и греки. Но Пушкин ближе. В конце концов, когда мы сгоряча говорим: "Что, за тебя Пушкин будет работать?" — Пушкина тут не заменишь Софоклом.

В 50-е годы Пушкин был для меня отдушиной. Все-таки можно было, не рискуя быть обвиненным в декадентстве и преклонении перед Западом, на законном основании нарисовать и Моцарта в парике и камзоле, и Дон Жуана в прекрасных испанских брыжах... Можно было рисовать французскую революцию и Бонапарте. У

Пушкина ведь есть удивительные стихи на эту тему. Если вы спросите прохожих о лучшем стихотворении Пушкина, вряд ли они назовут "К вельможе". А между тем это совершенно удивительная вещь, демонстрирующая поразительный размах культурных интересов поэта. Понимаете, национализм — такая забавная вещь, что очень немногие от него избавлены намертво. Радостно и хорошо думать, что я лучше всех или, если угодно, — мы лучше всех. Александр Сергеевич тоже от этого не вполне свободен, к примеру, когда писал в "Братьях разбойниках": "калмык, башкирец безобразный"... Из песни слова не выкинешь!

— Да, но были и другие строчки в "Памятнике"...

Правильно, потому что когда в нем говорил его гений, он поднимался надо всеми пред-рассудками эпохи. Или почти надо всеми. И тогда происходило то, о чем писал Достоевский, говоря о всемирной отзывчивости русской музы: о французсах он писал как француз, об испанцах — как испанец, ну и т.д. В этом

смысле Пушкин представляет собой счастливое исключение в русской литературе... Один очень умный критик заметил, что русская литература (в противоположность многим отраслям индустрии) была действительно первоклассной. Но у нее есть черта, которая отдает некоей региональностью. Когда в русской литературе описывается иностранец, он почти всегда либо дурак, либо негодяй, либо смесь того и иного. Чего стоит Берг в "Войне и мире"! Даже о безобидном Карле Ивановиче Лев Николаевич пишет в "Детстве" с добродушной, но насмешкой. Помните, когда Наташа Ростова в момент отступления из Москвы сбрасывает с телеги семейные вещи и приказывает грузить раненых, она восклицает: "Разве мы немцы какие-нибудь?" Томас Манн, который обожал Льва Николаевича, отметил все же эту деталь: "Ну что могла эта милая девочка знать о Германии?" Между прочим, там жили такие колбасники, как Гёте, Гумбольдт, Бетховен... В европейской литературе,

кстати, Мериме и Генрих Манн, даже Виктор Гюго (из французских французов), не говоря уж о Шекспире, берут сюжеты своих произведений из чужеземной истории весьма охотно. И за это их никто не упрекал в недостатке патриотизма. В нашей литературе первым европейцем был Пушкин.

— В начале XX века иллюстрации к Пушкину, его сказкам делали художники из "Мира искусства". Вы явно манерой иллюстраций полемизируете с ними?

— Нет. Ни с кем полемизировать я не собираюсь. Они были блистательные стилисты. И очень культурные люди. Бенуа —

темной./ Осенний день высок и тих"... Так и перекликается со строками Александра Сергеевича: "На небе serene тучи, / Перед гумном соломы кучи". Живая фактура языка каким-то чарующим и малопонятным образом передает субстрат (прошу прощения за мудреное слово) и этого пейзажа, и этой страны. Этого не заменить никакими звонкими образами. Как сказал замечательный английский критик Джон Рескин, "этому нельзя научить".

— Я спросила о "мирикусниках" потому прежде всего, что теперь уже не может быть восприятия пушкинского текста как некоей *tabula rasa*. Я имею в виду неизбежность и художественных цитат иллюстраций...

— Конечно. Но это уже в крови у нас всех... Вот этот рисунок "царицы злой" и чернавки для "Сказки о мертвой царевне..." нравился Цявловской. Годы спустя после того, как его нарисовал, я посмотрел на него как-то свежим взглядом и ахнул: "Боже мой! Я же нечаянно содрал чернавку прямо из суриковской "Боярыни Морозовой"..." Там бледенькая такая черница выглядывает из-за чьей-то спины... Просто это отлеживалось где-то в глубине сознания и вдруг всплыло даже незаметно для меня самого. Не считаю это грехом. Может быть, даже наоборот, можно счесть достоинством. Не нами сказано: "Из ничего не бывает нечто".

Поэтому, кстати, чем больше видит художник, тем лучше. Вот почему я жалею, что не увидел ступенек Акрополя, флорентийских двориков и венецианских каналов в 17–18 лет. Увидел уже почти в старости... Насколько больше я мог бы дать людям как художник!

Я знаю, есть такая подлая мысль, что художник должен страдать. Глупости все это. Оскар Уайльд, который интересовался

Россией и даже написал в юности совершенно чудовищную по безвкусице и незнанию материала пьесу о ней — "Вера (нигилистка)", где среди действующих лиц есть профессор Марфа (мужчина), князь Котемкин и царевич Петрович, высказал тем не менее неглупую мысль: "Разве что в такой несчастной стране, как Россия, можно прийти к совершенству путем страдания". Не думаю, что греки, создавая свои

лучшие вещи, так уж страдали. Скорее они радовались и восхищались. Или — если не забираться так далеко — можно вспомнить Ренуара... Художнику вполне достаточно страданий, когда он не может передать во всем совершенстве то, что он хочет передать. Причем чем крупнее художник, тем эти страдания больше. Так что предполагать, что для успеха его художественного предприятия необходимо, чтобы он еще недоделал, — это грубый, убогий и, я бы даже сказал, чисто нигилистический подход к делу. В конце концов кто знает, если бы Пушкин имел возможность "тронуться с места свободно", если бы он не был "лишен наслаждения видеть Европу" (говоря словами Жуковского), может быть, он получил бы второе дыхание и долгую жизнь.

— Ваша перекличка с рисунками самого Пушкина...

— ...абсолютно сознательна. Никто так себя не знает, как сам автор.

Если же говорить о портретах

Пушкина, то, думаю, более всего он похож на портрете Линева. Уставшее, измученное лицо. Редеющие волосы. Очень печальные глаза. Поздний Пушкин. Я думаю, ему становилось все тяжелее жить. Помните, как князь Андрей говорил, прощаясь с Пьером: "Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить... Я вижу, что последнее время стал понимать слишком много... Ну да не долго".

— Ваша страсть к истории и историческим штудиям общеизвестна. Из художников, наверное, вы единственный, кто иллюстрирует... критические статьи и исторические труды поэта?

— Даже случайная строчка может задеть художника. Но для этого художник должен все же интересоваться предметом размышлений поэта тоже... Интерес Пушкина к истории мне чрезвычайно близок. Блестящий французский историк, критик Ипполит

Тэн заметил, что одно из самых ценных свойств человека — бескорыстное любопытство. Кстати, он считал, что любая диктатура душист это бескорыстное любопытство самим фактом своего существования. И вспоминал, что Бонапарт одарил потомков таким вопиющим по поводу Фуше: "Жалуются на упадок литературы? — Это всецело вина МВД". Так что не удивительно, что Пушкин пишет брату Левушке из Михайловского: "Ради Бога, пришли мемуары Фуше"...

Вы не поверите, какой перл я нашел в читаном и перечитанном Пушкинском письме к Чаадаеву! "Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения... которой отличается юность всех народов?... Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству... величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском... — как, неужели все это не история?" Вам слово "Ипатьевском" ничего не говорит?

— Гибель Николая II и царской семьи?

— Да, но Пушкин-то о том не мог знать... Он писал о другом: первый Романов сидел в Ипатьевском монастыре, ожидая своего избрания! Ну как? Это уже совпадения на радость мистикам. Как говорил немецкий историк Моммзен: "Если вы хотите почувствовать веяние Святого Духа, читайте историю".

Записала
Жанна ВАСИЛЬЕВА

пятидесяти выставок в Англии, Германии, Австрии, Швейцарии, он уехал в 1977-м из страны и вернулся обратно из Австрии в 90-х, и тут наконец совет поэта Антокольского был услышан. Только что вышла книга пушкинских рисунков Павла Бунина — "Гениальный сын России". Но, естественно, не в "Искусстве". Это уже превосходило бы все границы правдоподобия. "Просто нашелся мой старый товарищ Альберт Бельский, с которым мы знакомы с 50-х годов, который когда-то выпустил мой единственный альбом, вышедший, правда, на 16 языках, — рассказывает Павел Львович. — У него нашелся еще друг, который, вообще меня не видя ни разу, дал деньги на издание книги. И без его поддержки,

точнее, без благотворительной поддержки АО РИТЭК нынешнее издание книги к 200-летию со дня рождения поэта в "Славянском диалоге" было бы невозможно".

Впрочем, историю этой книги можно вести из времен другого пушкинского юбилея — столетия со дня смерти, когда на Пушкинской выставке в Историческом музее среди других детских рисунков были вывешены и иллюстрации 9-летнего Павлика Бунина к "Руслану и Людмиле"... Похоже, Бунин делает рисунки к произведениям первого нашего поэта столько, сколько помнит себя. Для этой книги он сделал не только иллюстрации (причем и к стихам, и прозе, и даже — что уж и вовсе дело невиданное — к заметкам, письмам и даже критическим статьям — "О Екатерине II", например, или "О народности в литературе"). Сделал не только макет ("это пять месяцев очень тяжелой работы; примерно с 9 утра до 4 часов ночи; дошло до того, что у меня почти отнялась правая рука, но зато я поспел к сроку")... Бесконечный диалог художника с поэтом выплеснулся за рамки ватманского листа, потребовал комментария шедого и страстного...

— Для вас рисунки к Пушкину — это прежде всего "удовольствие следовать за мыслями великого человека"?

— Да, но не только. Поскольку я живу здесь, меня волнуют те же проблемы, что и вас, и всех, и... Пушкина. Великий французский историк Алексис де Токвиль сказал замечательную фразу: "В истории мало матриц, но много скверных отпечатков". Поэтому Пушкин будет актуален долго. Особенно если его уметь читать. Его стихи легче всего позволяют

так просто прирожденный ученый. И все-таки их время — определенный конец культуры. Както мы заговорили о Бальмонте с Корнеем Ивановичем Чуковским. Он называл его "Шеллимант" — за его переводы Шелли. В статье об этих переводах он не без язвительности заметил (цитирую по памяти): "У Шелли так грубо и глупо — "звук лютни". То ли — "лепет лютни-чаровницы"! Гораздо красивше..." Все-таки эпоха умирала. Сейчас мы называем это время эпохой модерна.

Между тем настоящие первачи — навсегда. Или очень надолго. Ну кто посмеет сказать, что Гёте или

Софокл — модернисты?! Лучшие вещи — вне времени. Они вневременные не только по красоте, но и по глубине поставленных вопросов. "Медный всадник" Пушкина — вещь тотальная, перешагивающая национальные рамки. Это не мистика, но реализм, спрессованный до символа... Даже в своих незаконченных отрывках Пушкин на редкость целостен. И, по моему, его отрывки совершенно закончены. Просто так уже будут писать в XX веке.

Мне не спится.

Нет огня;
Всюду мрак и сон
докушный.

Это же заявка на Блока! И наоборот. Блок напишет совершенно в пушкинском ключе: "Идем по жнивью не спеша / С тобою, друг мой скромный. / И изливается душа, / Как в сельской церкви